

Сергей Лукьяненко

Калеки

*Часть сборника
Донырнуть до звезд (сборник)*

Геном

Сергей Лукьяненко

Калеки

«АСТ»

2004

Лукьяненко С. В.

Калеки / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 2004 — (Геном)

«Мир, который я впервые описал в романе „Геном“, а потом – в „Танцах на снегу“, не относится к моим самым любимым мирам. Но при этом жестко структурированное общество генетически измененных людей, „спецов“, представляется мне одним из очень вероятных вариантов нашего будущего. В этом мире я писал иронический детектив («Геном»), «роман воспитания» («Танцы на снегу»). Есть и другие задумки. «Калеки» – это маленькая авантюрная космическая опера, главный герой которой, пилот спец Алекс, со времен «Генома» прошел большой путь. Теперь у него новый корабль, новый экипаж и новая работа. Думаю, я стану иногда поглядывать – как там у него дела. Первоначально у этой повести был немного другой финал. Я вел события к небольшому, локальному хэппи энду, но в последний момент не стал его писать. Словно застеснялся, что делаю героям поблажку... Однако повесть еще до публикации прочитал Ник Перумов и от себя предложил сделать другой финал... именно такой, которого я постеснялся. И тогда я смирился. Видимо, хэппи энд и впрямь напрашивается. Меня, по большому счету, и не надо долго упрашивать писать добрые книги. Но все таки Нику Перумову – отдельное спасибо за принуждение к гуманизму!» © Сергей Лукьяненко

© Лукьяненко С. В., 2004

© АСТ, 2004

Содержание

1	6
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Лукьяненко

Калеки

Именно так всё на свете и происходит. Вначале кто-то делает глупость – большую глупость. Потом кто-то другой оказывается в нужное время в нужном месте.

И вот один человек получает шанс исправить чужую ошибку. Или не исправить, а героически погибнуть.

Как правило, именно так всё всегда и происходит.

1

– Боевой корабль? – спросил Алекс.

Адмирал кивнул. На его лице появилось подобие улыбки.

– Давайте догадаюсь... – пробормотал Алекс, откинувшись в кресле. Кресло ничуть не походило на стандартное устройство из металла и пластика для надежного размещения сиденья. Это было творение настоящего мастера – из темного вишневого дерева, гобеленовой ткани и настоящей кожи. Кабинет адмирала больше походил на будуар пресыщенной красавицы – картины на стенах, мебель ручной работы, мягкий ковер на полу. Даже один-единственный экран был заключен в изящную серебряную раму. Впрочем, чего еще ждать от обитателей Гедонии?

– Я весь внимание, – поправляя кружевной отворот шелковой рубашки, сказал адмирал.

– Вы нашли древний боевой корабль, – предположил Алекс. – Корабль Тайи. Или – времен первой Империи. Или принадлежащий неизвестной доселе цивилизации. Корабль исправен, но никого не пускает на борт, он сжигает ваши корабли и требует назвать пароль. А к Гедонии приближаются орды злобных завоевателей, и над кораблем надо срочно обрести контроль. Для этого вам и потребовалась моя команда. Так?

– Как романтично! – воскликнул адмирал. – Да вы сочинитель!

На «сочинителя» обижаться не стоило – поэты, писатели и прочая никому не нужная богема в Гедонии была крайне популярна.

– Спасибо. – Алекс взял бокал с коктейлем. С удовольствием сделал глоток. – Я угадал?

– К сожалению, ситуация гораздо хуже, – вздохнул адмирал. – Корабль совсем новый, только что со стапелей. Защитные системы... э-э... отключены, попасть на борт может даже ребенок. И нас вовсе не собираются атаковать, поверьте! Гедония – мирная планета, космический флот мы держим исключительно в эстетических целях.

Алекс позволил и себе ироническую улыбку. В галактике не бывает мирных планет. Точнее, они встречаются, но слишком уж часто меняют хозяев.

– Тогда в чем ваша проблема?

Адмирал взглядом указал на экран. То ли управление было мысленным, через радиопульт или нейротерминал, то ли вышколенный секретарь, скромно сидящий за своим столиком в углу, в приказах не нуждался. Алекс решил поставить на второе – в Гедонии одинаково не любили техноимпланты и генетические специализации.

– Мы купили корабль у халфлингов, – сказал адмирал. – Мы заказали самый мощный, самый красивый и самый совершенный боевой корабль в галактике. Заказ выполняли восемь лет...

Алекс его уже не слушал. Оставив бокал, он смотрел на экран, совершенно не заботясь о том, чтобы скрыть восторженное выражение лица.

Корабль был прекрасен.

* * *

В космическом сражении все подчинено функциональности. Боевой корабль должен иметь максимальный тоннаж к площади обшивки, потому что тоннаж – это энергия, компьютеры, пушки и не очень-то нужный довесок в виде экипажа, а обшивка – это броня, которую при всех защитных полях требуется делать потолще.

Что это значит на практике?

Простейшую арифметическую задачу и простейшую геометрическую фигуру.

Космическое сражение – это битва шаров.

Плавно скользят (если смотреть издали, если вблизи – то стремительно несутся) в пространстве шары самого разного диаметра. Маленькие шарики – истребители, побольше – эсминцы, еще больше – крейсера, совсем уж большие – линкоры. Если повезет, то среди кораблей окажется циклопическая сфера дредноута.

Некоторые шары блестящие, это значит, что ставка сделана на отражающую броню. Другие – черные, это значит, что ставка сделана на поглощающую броню. Третьи – радужные, это значит, что вам посчастливилось наблюдать новейший корабль с динамической обшивкой. Впрочем, под черной броней наверняка найдется зеркальная, под зеркальной – черная, под дорогой и пока не отлаженной радужной – пара слоев обычной.

Это уже не арифметика и не геометрия. Это физика.

В своем движении шары отчаянно маневрируют. Лучевое оружие с расстоянием теряет мощность даже в вакууме. Самонаводящиеся ракеты хоть и невозможно «стряхнуть с хвоста», но маневр даст совсем не лишние секунды для зенитных батарей.

Это механика.

В броне периодически открываются амбразуры – чтобы выпустить пучок света, направить в цель заряд частиц или дать залп ракетно-торпедным оружием.

Это тактика.

Где-то внутри кораблей делает свою работу экипаж. Как правило – лишь задает общую стратегию, а иногда еще борется за живучесть. Машины все равно маневрируют и стреляют быстрее и точнее, но экипаж обычно имеется.

Это традиция.

Иногда один из шаров прекращает маневрировать и уносится прочь по инерции. Иногда – превращается во вспышку света.

Это – конец.

Корабль, построенный халфлингами для Гедонии, казался пришельцем – нет, не из другого мира, законы физики и геометрии одинаковы во всей Вселенной. Он казался пришельцем из другого времени. Из тех далеких и странных веков, когда оружие делали не просто смертоносным, но еще и красивым.

Где-то в центре конструкции корабля угадывалось зеркальное сферическое ядро, но даже оно казалось частью дизайнерского замысла. Из сферы тянулись вперед сверкающие плоскости, они подобно лепесткам расширялись и расходились в стороны, придавая кораблю форму раскрывшегося цветка. Сходство усиливал выходящий из ядра «стебель» – ребристая колонна необычного зеленовато-серого оттенка с торчащими подобно шипам выступами.

– Цветок... – восхищенно сказал Алекс.

– Мы назвали его «Серебряная Роза», – с гордостью произнес адмирал. – Не правда ли, красивый корабль?

Корабль начал медленно вращаться, и Алекс понял, что «цветок» даже не был симметричным. «Лепестки» различались по форме и толщине, по кривизне изгиба. «Стебель» тоже был не совсем ровным и прямым, «шипы» оказались разбросаны совершенно хаотично.

– Длина – три тысячи сто сорок один с половиной метр, – сказал адмирал. На экране тут же возникла шкала. – Центральный отсек – более трехсот метров в диаметре.

– Он... живой? – предположил Алекс. Ему доводилось слышать истории о живых кораблях, целиком построенных из органики. Раньше он не принимал всерьез эти байки, но при взгляде на «Серебряную Розу»...

– Что вы! – возмутился адмирал. – Это было бы неразумно. Корабль построен из металла, пластика, биокерамики... все как положено.

– И в чем проблема? – с трудом отрывая взгляд от экрана, спросил Алекс.

– Он не хочет воевать, – тихо признался адмирал.

Алекс взмахнул руками:

– Великолепно! Я понял, адмирал! Халфлинги поставили на корабль слишком совершенный компьютер! И тот, обретя личность, осознал все ужасы войны и отказался убивать! Так?

– Ничего подобного, – пробурчал адмирал. – Компьютер создан для боевого корабля. Хороший искусственный интеллект... псевдоинтеллект, точнее. Моральных категорий у него нет и быть не может. Он... он просто слишком высокого мнения о себе. Корабль согласен стать в строй, если человек докажет свое право командовать... окажется достойным.

Алекс внимательно посмотрел на адмирала. Тот отвел глаза.

– Ага, – сказал Алекс. – Понял. Как это выглядит на практике?

– На практике... – Адмирал вздохнул. – Прибыла команда, заступила на вахты. Пилоты отдали приказ на начало движения. Тогда корабль сообщил, что не считает данный экипаж достойным себя, и предложил «проверку в боевой обстановке».

– Вы, конечно, отказались, – вкрадчиво произнес Алекс. – Гедония – мирная планета.

Адмирал молчал.

– В какую войну вы ввязались? – спросил Алекс.

– Конфликт Арборо – Дзейч.

– На чьей стороне?

– Арборо, разумеется! – возмутился адмирал.

– А вы тогда уже знали, что Дзейч в альянсе с Союзом Измененных?

Адмирал откашлялся:

– Ну... ходили определенные слухи...

– Вы отправили свой корабль... самый мощный корабль в галактике... против самой агрессивной империи человеческого космоса! – Алекс присвистнул. – Поздравляю! Так флот Дзейча уничтожен вами?

– Формально «Серебряная Роза» еще не вошла в наш флот...

– Да?

– Корабль заявил, что действия экипажа были слишком неумелыми, что они привели к неоправданному риску и снижению боевой эффективности... в общем, он отказался встать в строй.

– Но перед этим уничтожил флот Дзейча. Через пару недель к вам прилетят все корабли Измененных, – сказал Алекс. – Поздравляю. А ваш единственный серьезный корабль отказывается воевать.

– Он готов сотрудничать с новым экипажем... если тот докажет свою состоятельность.

– И этим экипажем должны стать мы. – Алекс кивнул. – Понимаю.

– Вы – «Укротители». Лучшая в галактике команда по перепрограммированию боевых кораблей.

– Мы это называем – по перевоспитанию, – сказал Алекс. – Человеческий компьютер мы бы могли перепрограммировать. Компьютер Чужих – никогда. Адмирал, что у вас произошло с халфлингами? Они не могли всучить вам небоеспособный корабль!

– Он боеспособен... просто слишком высокого мнения о себе...

– Адмирал!

– Цена была очень высока, – пробормотал адмирал. – Мы торговались...

Алекс вздохнул:

– Даже дети знают – с халфлингами не торгуются! Никогда! Если торгуешься – ты их оскорбляешь, недооцениваешь их труд и мастерство! Значит – они считают себя вправе обмануть покупателя!

– Мы очень хорошо составили договор, – сказал адмирал. – Там были учтены все возможные ловушки. Халфлинги всегда соблюдают букву договора...

– Поэтому они придумали новую ловушку. Установили кораблю завышенные требования к экипажу. И сейчас довольно потирают лапки.

Адмирал побагровел:

– Я понимаю, что мы совершили ошибку! Не надо меня попрекать, господин Романов... я был против вмешательства в конфликт с Дзейч!

– Если бы все адмиралы галактики были столь миролюбивы, жизнь стала бы куда спокойнее, – сказал Алекс. Он мог позволить себе иронию – у гедонийского адмирала не было выхода.

– Вы беретесь или нет? – спросил адмирал. И протянул через стол чек – старомодный бумажный чек с семизначной суммой. Пять миллионов. По миллиону на каждого члена команды.

– Добавьте нуль, – сказал Алекс.

– Только спереди, – мгновенно отреагировал адмирал. – Да, у нас нет выхода. Но сумма слишком...

– У вас действительно нет выхода. Торгуясь с халфлингами, вы сэкономили миллионов двадцать-тридцать, верно?

– Почти сорок, – сказал адмирал, и почему-то Алекс ему поверил.

– Ну так теперь заплатите пятьдесят. И считайте, что вам повезло.

Адмирал покачал головой:

– Вы не понимаете. Я заплатил бы вам пятьдесят. Я заплатил бы и сто. Но в правительстве сидят идиоты – великие поэты, гениальные писатели, прославленные живописцы. Им нужны миллионы на памятники из мазианского хрусталя, на эмоционально чувствительные краски для академии живописцев, на издание книг из настоящей бумаги в кожаных переплетах...

– Сколько вы можете дать? – спросил Алекс.

– Пятнадцать. Мне разрешили торговаться до этой суммы.

– Нарисуйте единицу спереди, – сказал Алекс. – Я вам верю.

Когда чек вернулся к нему, Алекс аккуратно сложил листок, спрятал в карман и предупредил:

– Деньги мы снимем прямо сейчас и переведем в нейтральный банк. Если корабль не удастся ввести в строй, мы вернем половину суммы. Все накладные расходы – тоже за ваш счет.

– Какая гарантия, что вы вообще станете пытаться? – спросил адмирал. – Семь с половиной миллионов просто так...

– Никаких гарантий. Кроме нашей репутации.

Ему было около пятидесяти – совсем немного по меркам двадцать третьего века. За плечами была работа мастер-пилотом, потом – очень странная история, в которой участвовали инопланетные принцессы и тайные агенты, а в результате галактику едва не охватила война.

Теперь у него была лучшая в человеческом космосе команда по работе с плохо воспитанными кораблями. Интересный, доходный, но весьма опасный бизнес.

Алекс вошел в свой номер – по меркам Гедонии предельно аскетичный, на его личный вкус – слишком сибаритский и помпезный. Специалист по размещению в отеле – под этой должностью скрывалась странная смесь дизайнера, психолога и культуролога – выбрал для Алекса номер в стиле «текучей воды». На практике это означало прозрачный пол, под которым скользили крошечные светящиеся рыбки, стены из медленной воды, лениво вытекающей из потолочных щелей, прозрачную мебель, изнутри декорированную светло-зелеными и бледно-розовыми цветами. Алекс не стал спорить по той простой причине, что задерживаться на планете они не собирались.

Опустившись во влажно вздохнувшее кресло, Алекс достал коммуникатор и надавил кнопку общего сбора. Один за другим мелькнули зеленым три огонька. Потом над коммуника-

тором развернулось маленькое голографическое окошко. Разумеется, это был Хасан. Кажется, он лежал ничком на циновке.

– Капитан, это срочно? – грустно спросил техник.

– Да, – коротко ответил Алекс.

– Капитан, у меня еще семь минут массажных церемоний...

Где-то за спиной Хасана мелькнула симпатичная девушка с пушистым полотенцем в руках. Потом Хасан увел коммуникатор в сторону. Разумеется, ни о какой эротике не было и речи – на Гедонии все было возведено в ранг искусства и все означало именно то, что означало. Массажная церемония – это не более чем массажная церемония. Секс – это совсем другое искусство.

– Ты можешь уволиться, – сказал Алекс.

– Уже бегу, капитан, – грустно сказал Хасан.

Алекс сложил коммуникатор. Никаких претензий к Хасану у него не было. Эта игра длилась уже три года – техник при каждом удобном случае подчеркивал свою независимость.

Первой в номер Алекса вошла Вероника. Высокая, худощавая, с нервным печальным лицом, длинными черными волосами, собранными в косу, – она оказалась удивительно негармоничной с обстановкой.

– Вечер добрый, капитан, – сказала женщина.

– Добрый. – Алекс кивнул на ближайшее кресло.

Вероника прошла по гостиной, оглядывая обстановку, потом со вздохом села. Произнесла:

– Удивительно затейливо. Тебе нравится?

Алекс пожал плечами.

– А у меня номер в стиле «дышащий песок», – с отвращением сказала Вероника. – Пустыни Нангиялы. Вся мебель – динамическая, с аэроподдувом. Пол – песок. Рассказать, как осуществляется смыв в унитазе?

– Да не может быть. – Алекса передернуло.

– Во-во. Может. – Вероника достала сигареты, закурила. – На сколько ты уломал адмирала?

– Пятнадцать миллионов.

Вероника покачала головой. На миг ее взгляд затуманился – в глубинах ее сознания сейчас шла много факторная оценка: благосостояние Гедонии – высокое, жадность правительства – тоже высокая, личность адмирала Корда, репутация команды Романова...

– Значит... Вероятность нашей гибели – шестьдесят восемь-семьдесят процентов.

– Плохо, – искренне огорчился Алекс. – Я думал – пятьдесят на пятьдесят.

Вероника только развела руками. Психологи-спец редко ошибаются. Даже травмированные так серьезно, как Вероника.

– Как малыш? – спросил Алекс.

– Нормально. – Вероника кивнула. – Очень рад. Если мы получим пятнадцать миллионов... делим поровну?

– Как всегда.

– Тогда я смогу купить ему тело.

– То есть ты – «за»? Даже не уточняя детали?

Вероника кивнула:

– Даже если нам снова придется восстанавливать корвет Тайи...

Другого ответа Алекс и не ждал. Он тоже достал сигареты, закурил. Через минуту вошел Хасан. Маленький, смуглый, пухленький, с пушком над губой – Хасан походил на ленивого перекормленного тинэйджера, растящего первые усы. Но он был одним из лучших в челове-

ческом космосе техников, специалистов по нестандартному оборудованию. Может быть, даже самым лучшим.

– Беремся? – плюхаясь в кресло, спросил Хасан.

– Пятнадцать лимонов.

– Унести бы ноги, – только и сказал Хасан. Покосился на Веронику.

– У нас примерно один шанс из трех, – ответила психолог.

– Ничего, приличненько. – Хасан улыбнулся. – Честное слово, уйду в отпуск. На полгода.

И просажу все свои деньги на Гедонии.

– Так понравился массаж? – поинтересовалась Вероника.

– И массаж тоже. Господи, я и не подозревал, что с одной-единственной ступней можно сделать такое, что я буду вопить от восторга!

– Натурально вопить? – спросил Алекс.

– Капитан, – укоризненно сказал Хасан. – Я человек, не склонный к преувеличениям!

– Люблю я вас, ребята, – сказал Алекс с удовольствием. – Особенно за скромность.

Вошел Демьян. Не вошел – будто возник между Вероникой и Хасаном одновременно с чмоканьем двери. Улыбнулся капитану. Похлопал Хасана по плечу. Ободряюще посмотрел на Веронику и спросил:

– Как малой?

– Обеими руками «за»!

– Тогда и я согласен. – Боец-спец снова неуловимо сместился, присаживаясь на кресло в углу. Двухметрового роста, широкоплечий, он внезапно стал почти незаметным. – Парня надо выручать, и раз гедонийцы платят...

– Еще как платят, – подтвердил Алекс.

– Спасибо, Демьян. – Вероника кивнула. – Спасибо вам, ребята.

Дверь хлопнула последний раз, и появился Трейси – щуплый, нескладный, с черными линзами в глазницах – как принято в секте киберморфов. Ему нельзя было дать больше двадцати лет, но Алекс знал совершенно точно, что компьютерщику не меньше сорока. Слегка инфантильную внешность Трейси предпочитал по религиозным соображениям – как и черные линзы-импланты, как и старомодный электронный нейрошунт.

– Приветствую вас в своем сне, братья и сестры, – сказал Трейси.

– Садись уж, – добродушно сказал Демьян.

– Нет Бога, кроме Архитектора, и Нео – пророк его, – степенно произнес Трейси, садясь. –

Что вы решили, братья и сестры?

– Ты в курсе, что нам предстоит? – спросил Алекс.

– Я был с тобой в твоей иллюзии. – Трейси поднес руку к нейрошунту. – Примите пакет, братья и сестры...

– Только не пакетом! – взмолился Хасан.

Но было уже поздно. Трейси никогда не заботился вопросом, готовы ли братья и сестры общаться невербально. Если их импланты, не важно – электронные или биологические, были отключены, Трейси включал их дистанционно, используя только ему известные ошибки протокола.

Несколько секунд царил тишина. Потом засмеялся Демьян:

– Ну надо же! Работа для меня. Боевая операция!

– Работа для всех нас, – поправил его Алекс. – Трейси, ты сломал правительственную сеть?

– Все, что позволила мне моя иллюзия, – скромно сказал Трейси.

– Они знали, что мы согласимся на пятнадцать лимонов?

– Да. Их психологи рассчитали данную сумму и выдали адмиралу Корду соответствующие указания.

– Сволочи! – возмутился Хасан.

– Обычная процедура, – негромко сказала Вероника. – Если бы мы согласились работать только за пятьдесят миллионов – нам бы дали пятьдесят. Никто не хочет переплачивать.

– Все согласны принять заказ? – спросил Алекс.

– Что уж теперь, – буркнул из угла Демьян. – Веронике надо сына спасать...

– Спасибо, – вновь повторила женщина.

Демьян махнул рукой и продолжил:

– А мне пора очередную закладную за брата выплачивать... у Трейси половина имплантов – старье, да и лицензия на программы кончается... Хасану... Хасану тоже много чего надо...

– Ну а я должен внести деньги в банк, – заключил Алекс. – Иначе у нас не останется корабля... в общем – принято единогласно. Что будем делать с «Серебряной Розой»? Вероника?

– Я попробую с ним пообщаться, – легко согласилась женщина. – Но вы же понимаете... это не человеческий компьютер. Это совершенно другой подход к псевдоинтеллекту. Хуже был бы только компьютер Цзыгу.

– А комп Тайи ты забыла? – пробормотал Хасан. – Вот уж было веселье...

– Здесь сложнее, – твердо произнесла Вероника. – Халфлинги – культура хоть и гуманидная, но начисто лишена сострадания и построенная на культе доблестной смерти. Какие глубинные корни у подобного общества, как они ухитряются выживать и даже развиваться... это пока никто объяснить не смог. Но я сделаю все, что в моих силах.

– Спасибо, – сказал Алекс. – Хасан?

– Если надо эту посудину сломать – я могу, – фыркнул Хасан. – Если надо починить – тоже. Но проблема, как я понимаю, лежит не в моей специализации...

– Ты можешь поставить на «Серебряную Розу» другой боевой компьютер?

Хасан покачал головой:

– Это не корвет и не эсминец. Это... это... слова-то такого у нас нет... Дредноут? Монитор? Космическая крепость? В общем – боевая единица «сам в себе», рассчитанная на подавление эскадр, флотов и систем планетарной обороны. Количество стволов просто немыслимо. И все, абсолютно все завязано на центральный компьютер! Будь у меня года два-три и неограниченный бюджет, мы бы сделали альтернативную систему управления...

– Понял. – Алекс кивнул. – Спасибо. Честно говоря, я и не рассчитывал... Демьян?

– А что – Демьян? – Боец встал. – Если надо повести корабль в бой – я поведу. Только сам понимаешь, капитан, кроме курсов в академии – у меня опыта космических сражений немного. Тут нужен настоящий стратег. Гений нужен. Нельсон. Ли Дон Хван. Мбану.

– Насколько мне известно, – сказал Алекс, – большинство заслуг Мбану принадлежат его адъютанту... Ладно. Гения у нас нет. Попробуй все-таки вспомнить все, чему тебя учили. Возможно, что нам придется воевать. Трейси?

– Я могу взломать и уничтожить компьютер «Серебряной Розы», – сказал компьютерщик. – Конечно, если нас запустят внутрь и дадут подключиться... от внешних атак компьютер защищен абсолютно. А вот перепрограммировать... тут ведь та же проблема, что и у Вероники. Творение чужого разума! Даже великий Нео не смог сломать окружающую нас иллюзию...

– Да не было никакого Нео! – рявкнул Демьян. – Это миф! Подобно русскому солдату-герою Василию Теркину!

– Но ты же носишь орден Теркина? – ехидно сказал Хасан. – Носишь, да?

Алекс с тревогой посмотрел на Трейси. Но компьютерщик не обиделся. Покачал головой и сказал:

– Я не сержусь на тебя, Демьян. Тебе легче жить, веря в окружающую нас иллюзию...

– Эх, парень, разок бы полежал в окопах под огнем со спутников – всю дурь бы из тебя выбило! – Демьян перевел взгляд на Хасана и укоризненно сказал: – А над Теркиным не смейся! Я знаю, что его не было! Но это не отменяет того, что Василий – герой!

– Иллюзии, иллюзии... – тихо прошептал Трейси.

Алекс медленно поднялся, и наступила тишина.

– Еще раз... кто-то вякнет... – Он особо остановил взгляд на Хасане.

– Все, капитан, я не спорю! – быстро сказал техник. – Мои извинения, друзья!

– Разрядились? – негромко сказала Вероника. – Когда вылетаем?

– Утром. – Алекс встал. – Всем – готовиться к операции. Если требуются деньги на снаряжение – назовите сумму. Трейси – тебе открыт полный кредит, смени программное обеспечение... если надо.

– Я уже сменил, – меланхолично ответил компьютерщик. – Извините, капитан. Решил сэкономить время.

2

К «Серебряной Розе» они пристыковались мягко, будто по учебнику. Вежливый голос стыковочного узла предложил им стыковку на автомате, буксировку в гравитационном луче или навигационные огни. Алекс выбрал огни – не для того, чтобы пытаться произвести впечатление на компьютер, а просто из удовольствия управлять кораблем вручную.

«Зеркало-2», маленькая внесерийная яхта, на которой команда Алекса путешествовала по галактике, могла поместиться в одном из ангаров «Серебряной Розы». Но Алекс предпочел стыковку с внешним шлюзом. В виртуальном мирке, созданном пилотажным компьютером «Зеркала-2», Алекс ощущал себя кораблем – от носового излучателя и до кончиков дюз. Пространство вокруг стало ярким и контрастным: бархатно-черный космос, плывущие по нему искорки метеоров, крошечные фигурки искусственных спутников и орбитальных станций Гедонии. «Серебряная Роза» в пилотажном пространстве компьютера была еще красивее, чем на экране. Раскрывшийся над планетой цветок казался настоящим, выросшим на белоголубом шарике планеты, оторвавшимся от поверхности – и медленно улетающим в бесконечность. Цепочка навигационных огней, существующих лишь в виртуальном пространстве, вела «Зеркало-2» к «Серебряной Розе». Алекс вел свой корабль – будто полз по черной пустоте, будто брел по отмеченной огоньками дорожке к гостеприимному дому. Где-то рядом, на краю сознания, он чувствовал остальных членов экипажа. Черный силуэт – Трейси. Серый многогранник – Хасан. Плавающий безумным алым огнем шар – Вероника. И едва-едва заметная искра – Демьян. Алекс знал, что внешний вид экипажа – это причудливый компромисс между тем, как они *желают* выглядеть, тем, как они себя *ощущают* в экипаже, и тем, как он к ним *относится*. Опытный капитан многое может понять о своих подчиненных, изучая их виртуальные образы. Но только очень хороший капитан способен кое-что понять и о себе самом.

Алекс считал себя хорошим капитаном.

Они пролетели-проползли между лепестками серебряного цветка. Скользнули к центральному ядру. Пилотажное пространство менялось, подстраиваясь под желание пилота. Исчез боевой корабль с завышенной самооценкой. Исчезла старая верная посуда – «Зеркало-2». Исчез космос, планета, далекие звезды. В сверкающей белой мгле Алекс шагнул навстречу женщине – красивой высокой женщине со строгим неподвижным лицом. Мгновение Алекс медлил – в реальном времени и реальном мире два корабля застыли в неподвижности. Потом Алекс протянул руку и коснулся ладони незнакомки. Стыковочные шлюзы соприкоснулись. Алекс помедлил еще долю секунды, склонился, поднес ладонь к губам и поцеловал холодные пальцы. Биокерамика шлюзов вскипела, меняя агрегатное состояние, взаиморастворилась, спаяла корабли.

Алекс выпрямился. Калейдоскоп образов пронесся перед глазами и остановился на черном космосе и двух застывших кораблях.

– Изящная стыковка, – прошептал алый шар.

Никто не знал, что видит и испытывает пилот, совершая те или иные маневры в пространстве. Стыковка могла стать соитием, мигом оглушительного оргазма, могла превратиться в кровавую схватку, а могла быть всего лишь механическим прикосновением двух механизмов.

Но хороший пилот не считает свой корабль всего лишь механизмом.

Выскальзывая из пилотажного пространства, отдавая команды на остановку двигателей и переходе на режим швартовки, Алекс еще успел почувствовать отголосок эмоций своего корабля. Тоска и ревность. Жалобная обида собаки, чей хозяин ласкает чужого пса.

Космические корабли никогда не снабжали полноценным искусственным интеллектом. Слишком много трагедий случилось из-за кораблей, по-настоящему любивших своих пилотов и свой экипаж. Слишком много возникало любовных треугольников и четырехугольников,

слишком много безумной ревности, ссор, обид, скандалов и истерик. Все это было бы очень смешно, если бы не приводило к смерти – к пилотам, палящим друг в друга из табельных пистолетов, к кораблям, ныряющим в фотосферу звезды из-за неразделенной любви.

Но даже тот урезанный искусственный интеллект, которым обладало «Зеркало-2», был способен любить и страдать. Говоря откровенно, разум, не способный любить и страдать, разумом не является.

«Жди, я вернусь», – прошептал Алекс своему кораблю. И испытал мучительную боль человека, целующего некогда любимую жену перед встречей с любовницей.

Ко всем проблемам, стоящим перед ними, добавилась еще одна. Он полюбил «Серебряную Розу». Полюбил так, как способен полюбить корабль только пилот.

Алекс открыл глаза. Посмотрел на информационные экраны – дань традиции, никто не пилотирует корабли, глядя на приборы и нажимая кнопки.

Корабли были надежно состыкованы. «Зеркало» переходило в швартовочный режим.

– Приехали, – сказал Алекс самому себе. В рубке он был один – и до сих пор не мог к этому привыкнуть. Новые технологии позволили кораблям летать без навигаторов и вторых пилотов. Даже энергетики, контролирующие глюоновые реакторы, уже лет десять как стали не нужны. Списывались и переоборудовались корабли – и уходили на пенсию навигаторы-спец и энергетики-спец, не имевшие дополнительных специализаций. Немногие счастливицы еще работали, доживая свой век на старых кораблях бедных окраинных миров. Большинство же тихо спивалось либо жило в иллюзорных виртуальных мирах своей юности.

Пилотам повезло больше. Должность пилота сохранилась. Пока сохранилась.

Алекс отключил фиксаторы кресла и вышел в коридор, ведущий к шлюзу. Там уже ждали Вероника и Демьян. Через минуту подошли Хасан и Трейси.

– Как она тебе, Алекс? – спросила Вероника.

Алекс не стал отводить взгляд. Психолога-спец не обманешь. Даже травмированную.

– Кажется, я влюбился, – сказал он.

Вероника покачала головой:

– Ты вроде как давно переборол это...

– Переборол, – кивнул Алекс. – И зарекся влюбляться в машины. Но она... слишком хороша.

Демьян шумно вздохнул. Психологические проблемы пилотов всегда смущали бойца. Его собственные эмоции были изменены минимально: всего лишь безжалостность к врагу и любовь к оружию. Но оружие не может полюбить в ответ.

– Это, – Демьян кивнул на шлюз, – работа. Всего лишь работа. А корабль у тебя один – и на всю жизнь. Это как девочки в порту – и верная жена дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.